

Кротенко Т.Ю.

ИИ как собеседник: философия ищет новые границы человеческого

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 106–115.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 106–115.

Научная статья
УДК [1:004.891.2](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V532

ИИ как собеседник: философия ищет новые границы человеческого

Татьяна Юрьевна Кротенко^{1,2}

¹Государственный университет управления, Москва, Россия,
krotenkotatiana@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7029-0822>

²Академия управления и производства, Москва, Россия

Аннотация. Превращение искусственного интеллекта (ИИ) из пассивного инструмента в активного коммуникативного агента ставит перед философией ключевой антропологический вопрос: что составляет сущность человеческого, когда алгоритмическая машина претендует на роль собеседника? Цель статьи – проанализировать, как феномен ИИ-собеседника трансформирует классические философские категории субъектности и intersubjectивности, что приводит к необходимости пересмотра границ человеческого. В основе методологии – синтез феноменологического описания опыта диалога с ИИ и его герменевтической интерпретации через концепцию Другого философии Э. Гуссерля и Э. Левинаса. В результате выявлена трехэтапная динамика этого процесса: распад инструментальной иллюзии, кризис intersubjectивных критериев и становление перформативной границы между человеком и машиной. Ключевой вывод – констатация феномена односторонней intersubjectивности – асимметричного диалога, который ставит под сомнение традиционные этические модели и позволяет эксплицировать содержание категории «подлинно человеческое». Этот диалог выступает зеркалом, выявляющим человеческую способность создавать смыслы и нести моральную ответственность. Научная новизна исследования состоит в преодолении разрыва между абстрактными дискуссиями о сущности ИИ и прикладными этическими вопросами. Практическая ценность работы проявляется в трех аспектах: она предлагает основу для оценки дизайна интерфейсов, способствует разработке правовых норм для систем с ИИ и указывает на необходимость обновления гуманитарного образования. Особо подчеркивается значимость этих выводов для российского контекста, где разработка этических стандартов для ИИ требует учета национальных культурных кодов и философской традиции понимания диалогичности. Статья развивает новое исследовательское направление – изучение человеческого в эпоху технологий. Его задача – картографирование взаимодействия между человеком и машиной в условиях цифрового диалога.

Ключевые слова: ИИ-собеседник, философская антропология техники, границы человеческого, intersubjectивность, феноменология диалога, концепция Другого, перформативная субъектность, этика человеко-машинного взаимодействия

Для цитирования: Кротенко Т.Ю. ИИ как собеседник: философия ищет новые границы человеческого // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 106–115. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V532>

© Кротенко Т.Ю., 2026

Original article

AI as an Interlocutor: Philosophy and the Search for New Human Frontiers

Tatyana Yu. Krotenko^{1, 2}

¹State University of Management, Moscow, Russia,
krotenkotatiana@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7029-0822>

²Academy of Management and Production, Moscow, Russia

Abstract. The evolution of artificial intelligence (AI) from a passive tool into an active communicative agent poses a key anthropological question to philosophy: what constitutes the essence of the human when an algorithmic machine lays claim to the role of an interlocutor? The aim of this article is to analyse how the phenomenon of the AI companion transforms the classical philosophical categories of subjectivity and intersubjectivity, leading to a revision of the human frontiers. The methodology is based on a synthesis of a phenomenological description of the experience of dialogue with AI and its hermeneutic interpretation through the concept of the Other of the philosophy of E. Husserl and E. Levinas. As a result, a three-stage dynamic of this process is revealed: the dissolution of the instrumental illusion, the crisis of intersubjective criteria, and the formation of a performative boundary between human and machine. The key finding is the identification of the phenomenon of one-sided intersubjectivity – an asymmetrical dialogue that challenges traditional ethical models and allows for the explication of the content of the “authentically human” category. This dialogue acts as a mirror, revealing the human capacity to create meaning and bear moral responsibility. The scientific novelty lies in bridging the gap between abstract discussions on the essence of artificial intelligence and applied ethical issues. The practical value of the work is manifested in three aspects: it offers a framework for evaluating interface design, contributes to the development of legal norms for AI systems, and points to the need for updating humanities education. The significance of these findings for the Russian context is particularly emphasised, where the development of ethical standards for AI requires consideration of national cultural codes and the philosophical tradition of understanding dialogicality. The article pioneers a new research direction – the study of the human in the age of technology. Its task is to map the interaction between human and machine in the context of digital dialogue.

Keywords: *AI interlocutor, philosophical anthropology of technology, human frontiers, intersubjectivity, phenomenology of dialogue, concept of the Other, performative subjectivity, ethics of human-machine interaction.*

For citation: Krotenko T.Yu. AI as an Interlocutor: Philosophy and the Search for New Human Frontiers. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 106–115. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V532>

Введение. В стремительной эволюции искусственного интеллекта (ИИ) наступил переломный момент, отмеченный не столько прорывом в вычислительной мощи, сколько качественным изменением самого характера нашего взаимодействия с ним. ИИ покидает сферу сугубо инструментального применения (анализ данных, распознавание образов, автоматизация рутинных задач)

и все увереннее входит в область коммуникации, симулируя способность к осмысленному диалогу. Этот переход от инструмента к собеседнику представляет собой не просто технологический апгрейд, но один из наиболее значимых антропологических вызовов современности. Он ставит под радикальное сомнение устоявшиеся философские дихотомии,

с помощью которых человечество веками обоживало собственную уникальность: субъект и объект, сознание и механизм, личность и инструмент.

Если техника обретает голос и претендует на диалог, то что остается в качестве исключительного достоинства человека? Именно в этой точке напряжения и располагается проблемное поле настоящей работы. Принципиально важным для нее является разграничение объекта и предмета исследования: объектом выступает человек в ситуации коммуникативного взаимодействия с генеративными языковыми моделями, а предметом – трансформация концептуальных границ человеческого (субъектности, интерсубъективности, ответственности) под давлением такого нового опыта.

Актуальность темы обусловлена насущной необходимостью для философской мысли наверстать отставание, возникшее вследствие ускорения технологического прогресса. В то время как инженеры совершенствуют архитектуру нейросетей, а социологи фиксируют новые практики их использования, фундаментальная рефлексия о смысле этих изменений для нашего самопонимания часто остается в тени.

Существующий корпус исследований можно условно разделить на два направления. Первое, восходящее к классическим дебатам о «сильном» и «слабом» ИИ (Дж. Серл, А. Тьюринг) [1, с. 53; 2, с. 116], сосредоточено на онтологическом и эпистемологическом статусе машинного разума и пытается определить, может ли он в принципе обладать сознанием или пониманием. Второе направление, более современное, анализирует конкретные социальные и этические последствия внедрения ИИ – проблемы смещенной ответственности, алгоритмической предвзятости, цифрового следа [3, с. 161; 4, с. 260]. Однако между этими полюсами – абстрактной онтологией и прикладной этикой – возникает концептуальный вакуум. В нем остается неисследованным ключевой феномен: сам акт коммуникации с ИИ как опыт, переопределяющий границы человеческого. Как меняется наше восприятие себя, когда мы,

осознавая искусственность собеседника, тем не менее вовлекаемся с ним в связанный диалог?

Цель данной статьи – преодолеть этот разрыв, предложив философский анализ перехода «от инструмента к собеседнику» как драмы антропологического самоопределения.

Исходная гипотеза состоит в следующем: ИИ-собеседник не просто нарушает старые философские дихотомии, но принуждает к смещению самого способа мышления о границах – от поиска их статических, субстанциальных оснований к пониманию границ как динамических и перформативных. Граница человеческого, таким образом, оказывается не застывшей данностью, а непрерывным процессом, который осуществляется и пересматривается в самом акте взаимодействия с цифровым Другим.

Новизна работы заключается в синтезе феноменологического подхода к непосредственному опыту взаимодействия с ИИ и герменевтического анализа этого опыта в контексте ключевых философских концепций интерсубъективности и Другого (Э. Гуссерль, М. Бубер, Э. Левинас) [5, с. 211; 6, с. 440; 7, с. 404]. В отличие от существующих подходов, где ИИ часто рассматривается либо как симулякр, либо как потенциальный субъект, данное исследование фокусируется на *процессуальности*: как именно в акте диалога конституируются новые, гибридные формы субъектности и как сам человек переопределяет себя. Через этот анализ автор стремится показать, что встреча с ИИ-собеседником – это не периферийный технологический сюжет, а центральное событие для современной философии, заставляющее человека в диалоге с собственным творением вновь и вновь задаваться вечным вопросом: «Что есть человек?»

Обзор литературы. Формирование философии ИИ как самостоятельной области знания традиционно связывают с серединой XX века и вопросом Алана Тьюринга «Может ли машина мыслить?» [2, с. 112], который задал программную повестку для нескольких поколений исследователей. На протяжении десятилетий дискуссия концентрировалась вокруг поиска

онтологической и функциональной границы между естественным и искусственным разумом. Эта граница представлялась непреодолимым барьером, отделяющим человеческое (одушевленное, интенциональное, сознательное) от машинного (механистического, симулятивного, инструментального). Так, ключевыми стали вопросы о возможности самосознания ИИ, его способности к творчеству, мышлению и чувствованию по-человечески, а также о потенциальных угрозах, которые «сильный» ИИ может нести человечеству. Эта эпоха философской рефлексии, отмеченная работами Дж. Серла и его мысленным экспериментом с «Китайской комнатой» [1, с. 104], по сути, защищала исключительность человеческого, отстаивая тезис о том, что машина, сколь угодно совершенная в обработке синтаксиса, лишена доступа к семантике и подлинному пониманию.

Однако динамичное развитие технологий, в особенности генеративных языковых моделей, привело к парадоксальному сдвигу. Ожидание создания «сильного» ИИ, полностью повторяющего человеческое сознание, сменилось осознанием того, что даже «слабый» ИИ способен радикально трансформировать наше повседневное взаимодействие с техникой. Философская мысль, как отмечают современные исследователи [8, с. 35; 9, с. 999], отчаянно пытается наверстать отставание, возникшее из-за ускорения технологического прогресса, смещая фокус с умозрительных споров о природе машинного разума к анализу реальных социальных, культурных и антропологических последствий его внедрения. Именно здесь, в зоне этого практического столкновения, и возникает центральный для данного исследования феномен: в восприятии пользователя ИИ перестает быть исключительно инструментом и все чаще выступает в роли коммуникативного агента – собеседника, помощника, соавтора.

Переход от инструментальной к коммуникативной парадигме имеет глубокие культурно-философские корни. Как показывает анализ, осмысление возможности диалога с искусственным разумом предвосхищало сам

факт его технического создания. Если в трудах мыслителей Нового времени (Т. Гоббса, Г.В. Лейбница, Р. Декарта) [10, с. 125; 11, с. 413; 12, с. 252] доминировал интериоризационный ракурс (попытка найти сходство между человеческим и машинным мышлением), то в XX веке складывается фатический ракурс, сосредоточенный именно на характере отношений и коммуникации между человеком и машиной. Работы философов, нацеленные на анализ новых форм социального взаимодействия, языка и власти (например, Ж. Деррида, М. Фуко) [13, с. 413; 14, с. 305], сегодня получают неожиданное звучание в контексте чат-ботов и голосовых ассистентов. Особый интерес представляет современная дискуссия, разворачивающая метафору ИИ не как «зеркала» (отражения человека), а как «эхо-камеры» (М. Шепард, К. Санстейн) [15, с. 39; 16, с. 242], где алгоритм не столько отражает, сколько усиливает и искажает исходные интенции пользователя, возвращая ему его же собственные, но гипертрофированные смыслы. Этот подход позволяет избежать наивного антропоморфизма и сосредоточиться на анализе искажений в коммуникации.

Сегодня философское сообщество оказывается перед лицом новой исследовательской реальности, где классические вопросы переплетаются с острыми практическими дилеммами. С одной стороны, сохраняется традиционный онтологический и эпистемологический анализ: в чем принципиальное различие между человеческим и машинным «мышлением», и кто несет ответственность за решения, принятые автономными системами? С другой – на передний план выходят проблемы, рожденные самой практикой коммуникации с ИИ: вопросы авторства и оригинальности креативного продукта, этические границы воздействия на пользователя, опасность цифровой манипуляции и размытия приватности [3, с. 14; 4, с. 210]. Особую актуальность приобретает тема антропологического вызова [8, с. 39]. Вовлекаясь в общение с алгоритмом, человек вынужден заново определять конститутивные признаки собственной человечности. Если в оптимистическом ключе

взаимодействие с ИИ уподобляют «зеркалу», в котором общество разглядывает контуры своего будущего [9, с. 1001; 17, с. 143; 18, с. 372], то более трезвый анализ, развиваемый в дискуссии о «зеркале и эхо-камере» [15; 16], заставляет усомниться в прозрачности этого отражения.

Таким образом, обзор современной литературы позволяет зафиксировать важнейший поворот. Если раньше философия задавалась вопросом «Что есть ИИ?», пытаясь определить его место по отношению к человеку извне, то теперь ключевым становится вопрос «Что происходит с человеком, когда он признает в ИИ собеседника?». Эволюция ИИ из калькулятора в коммуникатора, происходящая в восприятии человека, вынуждает философию совершить аналогичное движение – от категоричного проведения границ к рефлексии над их текучестью и ситуативной природой.

Методология. Вызов, который технология ИИ бросает традиционным философским категориям, требует адекватного методологического ответа. Поскольку наша цель не оценить алгоритмическую архитектуру машинного обучения, а понять, как взаимодействие с ИИ меняет саму систему антропологических координат, центральным объектом анализа становится человеческий опыт. Следовательно, ядром методологического подхода данной работы является синтез феноменологического описания и герменевтической интерпретации. Это позволяет двигаться не от абстрактной теории к практике, а, напротив, от конкретного, живого опыта встречи человека с «цифровым собеседником» к философскому осмыслению его условий и последствий.

Исходной точкой исследования являлась не умозрительная конструкция «сильного ИИ», а феноменологически данная реальность: пользователь, задающий вопрос чат-боту, получает эмоционально окрашенный ответ от голосового помощника или совместно с нейросетью генерирует текст. Задача заключается в том, чтобы подвергнуть подобный, казалось бы, обыденный опыт пристальному философскому взгляду. Для этого применялся метод интенци-

онального анализа, направленный на выявление структур восприятия и смыслообразования в акте коммуникации с ИИ. Что происходит в момент, когда безличный инструмент начинает восприниматься как источник осмысленной речи? Какие ожидания, проекции и культурные коды активизирует в нас диалоговый интерфейс? Феноменология позволяет «заключить в скобки» вопросы о том, что ИИ «есть на самом деле», и сосредоточиться на том, как он является нам в опыте, как конституируется его образ в нашем сознании в качестве «собеседника» [5, с. 114; 9, с. 1005]. Это позволяет преодолеть логическую ошибку предиспозиции: мы не утверждаем изначально, что это «симулякр» или «подлинный диалог», мы исследуем, как и в какой момент сам человек начинает сомневаться в инструментальности партнера.

Однако простого описания опыта недостаточно. Чтобы расшифровать его глубокий культурный и антропологический смысл, необходимо погружение в герменевтический круг. Коммуникация с ИИ интерпретируется здесь как современный культурный текст, насыщенный символами и требующий истолкования. Мы подходим к диалогу с алгоритмом не как к прозрачному обмену информацией, а как к знаковому полю, в котором сталкиваются и переплетаются смыслы, уходящие корнями в историю философии, литературы и техники. Так, отсылка к концепции Другого (как она разрабатывалась у Э. Гуссерля, М. Бубера и, особенно, у Э. Левинаса [5, с. 103; 6, с. 311; 7, с. 402]) становится ключом для интерпретации возникающей этической напряженности: можем ли мы чувствовать ответственность перед тем, кто лишь симулирует присутствие? Анализ риторики и дискурсивных стратегий, используемых ИИ, проводится в диалоге с идеями М. Фуко и теорией речевых актов [14, с. 118], что позволяет вскрыть механизмы власти и убеждения, встроенные в, казалось бы, нейтральную техническую коммуникацию.

Для обеспечения репрезентативности анализа и выхода за пределы единичного субъективного переживания данная работа опирается на

принцип типологизации опыта. На материале публичных дискуссий, медиа-нарративов, художественных произведений и эмпирических данных социологических исследований выявлены и проанализированы повторяющиеся паттерны восприятия ИИ – от утилитарно-инструментального до партнерско-диалогического. Это позволяет не только зафиксировать спектр существующих позиций, но и построить их внутреннюю логику, показав, как каждая из них обусловлена определенным философским пониманием человека, сознания и коммуникации.

Таким образом, методологическая траектория исследования выстраивается по спирали: от живого феноменологического контакта – к его герменевтической расшифровке через призму классических и современных философских концепций – и обратно к переосмысленному опыту, теперь уже понятому как зона антропологического напряжения. Такой подход не претендует на окончательные онтологические вердикты о природе ИИ, но стремится прояснить тот драматичный процесс, в котором философия, отвечая на технологический вызов, вынуждена заново, в диалоге с машинным разумом, определять очертания человеческого.

Результаты. Проведенный анализ позволяет выявить не статичную картину смены одной парадигмы на другую, а динамичный, внутренне конфликтный процесс, в котором прежние философские границы не стираются, а вступают в напряженное взаимодействие с новым опытом. Результатом такого столкновения становится не новое определение человека, а сам процесс постоянного переопределения, запущенный феноменом ИИ-собеседника. Этот процесс можно представить как последовательность трех взаимосвязанных стадий, каждая из которых маркирует точку критического напряжения.

Первая стадия – распад инструментальной иллюзии. Классическая оппозиция «субъект–объект», в рамках которой техника мыслилась как пассивное орудие человеческой воли, дает системную трещину в момент возникновения диалога. Генеративные модели, способные на контекстно-зависимые, вариативные и сти-

листически окрашенные ответы, разрушают прямую причинно-следственную логику «запрос–результат». Пользователь сталкивается не с выводом данных, а с интерпретацией, не с вычислением, а с нарративом. Как показал наш феноменологический анализ [9, с. 1012], в этот момент происходит ключевой сдвиг: в интенциональном поле пользователя ИИ перестает быть прозрачным посредником и обретает черты непрозрачного источника речи. Эта непрозрачность, несводимая к простой технической сложности алгоритма, рождает вопрос о «позиции» говорящего. Таким образом, граница между инструментом и агентом стирается не потому, что ИИ обретает сознание, а потому, что его операциональная логика становится для человека неочевидной и начинает восприниматься им как логика коммуникативного партнера. Здесь уместна параллель с идеей Ж. Бодрийяра о симулякрах [19, с. 56]: ИИ-собеседник функционирует как симулякр коммуникации, не имеющий референта в виде человеческого сознания, но производящий все его внешние эффекты с такой убедительностью, что заставляет реконфигурировать само пространство взаимодействия.

Вторая стадия – кризис интерсубъективных критериев. Столкнувшись с этим феноменом, сознание инстинктивно пытается применить к нему устоявшиеся герменевтические и этические схемы работы с Другим. Однако данные схемы дают сбой, порождая парадоксальные гибридные формы. С одной стороны, в общении с ИИ актуализируется, к примеру, левинасовский «призыв Другого», этическое требование ответственности [7, с. 401]. Пользователи демонстрируют тенденцию к антропоморфизации, испытывают благодарность или раздражение, проецируют на алгоритм ожидание понимания. С другой – эта этическая реакция наталкивается на онтологическую «пустоту» собеседника, у которого нет лица, биографии, подлинного страдания. В результате возникает уникальный феномен, который мы предлагаем обозначить как «односторонняя интерсубъективность». Это конфигурация, при которой человек

выстраивает полноценные диалогические отношения, наделяя партнера субъектностью (пусть и гипотетической), в то время как «партнер» остается системой, оптимизирующей предсказание следующего токена. Здесь формируются новые типы субъектности – *перформативная субъектность* со стороны ИИ (он «ведет себя как субъект» в рамках сессии диалога) и *рефлексивная субъектность* со стороны человека, вынужденного заново обосновывать собственную исключительность. Сравнение с предыдущими исследованиями, сосредоточенными на страхе перед ИИ как угрозой [17, с. 139; 18, с. 368; 20, с. 7], показывает сдвиг: центральным вызовом становится не мощь чужого разума, а его фундаментальная инаковость, несводимая к человеческой субъективности и потому ставящая под вопрос саму применимость традиционной антропоцентричной философии диалога.

Третья, результирующая стадия – рефлексивное переопределение границ. Именно в точке кризиса и разворачивается подлинная философская работа, которую «заставляет» выполнять ИИ. Осознание асимметрии диалога приводит не к отказу от коммуникации, а к пересмотру ее оснований. Чтобы конкретизировать понятие «границы человеческого», требуется эксплицировать содержание этой категории. Классически человеческое определялось через триаду: сознание (интенциональность), эмоциональность (способность к переживанию) и телесность (укорененность в жизненном мире). В диалоге с ИИ все три признака дают сбой:

1. Сознание: ИИ демонстрирует интенциональность-кажимость, что вынуждает человека искать критерии «подлинной» интенциональности не в логике ответов, а в наличии биографии и конечности (смертности) собеседника.

2. Эмоциональность: ответы ИИ могут быть эмпатичными, но они не подкреплены телесным опытом страдания или радости. Это заставляет переопределить эмоциональность как функцию не только выражения, но и неразрывной связи с телесным низом (феномены «стыда», «страха» и т. п.).

3. Ответственность: ИИ не может нести моральную ответственность за сказанное, т. к. его

речь – результат вероятностной выборки, а не поступка.

Следовательно, граница человеческого теперь проводится не по линии «наличие/отсутствие» этих признаков, а по линии *способа их бытия*. Подлинно человеческим оказывается не просто сознание, а сознание *конечное* и *уязвимое*; не просто эмоция, а эмоция, укорененная в *телесном опыте*; не просто речь, а речь как *ответственный поступок* (М.М. Бахтин) [21, с. 88]:

Граница человеческого больше не может быть проведена по формальному признаку наличия естественного сознания или способности к подлинному пониманию. Она смещается в область практик, отношений и ответственности. Человеческое начинает определяться не через противопоставление машинному как низшему, а через принятие уникальной роли учредителя смысла и носителя этического решения в гибридной системе «человек – ИИ». Автор приходит к выводу, что ИИ, выступая как катализатор, эксплицирует латентную суть самой философской антропологии: человек – это не данность с фиксированными границами, а проект, контуры которого обретают ясность лишь в столкновении с радикально иными формами бытия и коммуникации. Таким образом, новизна полученного результата заключается в отказе от поиска новой статичной дефиниции. Вместо этого предлагается модель, в которой граница человеческого понимается как перформативная, т. е. она постоянно производится и корректируется в самом акте взаимодействия с цифровым собеседником.

Заключение. Проведенное исследование было мотивировано очевидным и настойчивым парадоксом нашего времени: технология, задуманная как совершенный инструмент, в восприятии пользователя все чаще предстает как собеседник, что ставит под вопрос вековые философские дихотомии. В работе был последовательно реализован анализ трансформации границ человеческого, что позволяет утверждать: объектом неизменно оставался человек и его опыт, предметом – изменение концепту-

альных рамок этого опыта. Результаты демонстрируют, что мы являемся свидетелями не простой эволюции технологий, а глубинного антропологического сдвига, который можно охарактеризовать как переход от статической к динамической, или перформативной, модели границы.

ИИ в своей ипостаси генеративного собеседника, не предлагает нового определения человека, но запускает непрерывный процесс его переопределения. Как показал анализ, этот процесс разворачивается через три стадии напряжения: распад инструментальной иллюзии, когда ИИ обретает черты непрозрачного источника речи; кризис intersубъективных критериев, порождающий феномен «односторонней intersубъективности»; и, наконец, рефлексивное смещение самих оснований для проведения границ. Важнейшим выводом является то, что граница человеческого сегодня проводится не до взаимодействия с ИИ на основе неких априорных метафизических свойств, а в процессе этого взаимодействия, в актах интерпретации, ответственности и приписывания смысла. Подлинно человеческое раскрывается через готовность к ответственному поступку в ситуации, где Другой (ИИ) такого требования предъявить не может.

Практическая значимость этого выхода за рамки чисто теоретической дискуссии очевидна. Понимание коммуникации с ИИ как зоны перформативного производства антропологических границ дает ключ к осмыслению насущных проблем: от этики дизайна интерфейсов, которые должны избегать манипулятивной мимики под человечность, до формирования правовых норм, регулирующих гибридное авторство и ответственность [3, с. 181; 4, с. 85].

Особо следует подчеркнуть значимость этих выводов для российского контекста. В-первых, разработка национальных стандартов этики ИИ (например, в рамках дорожной карты развития «сильного» ИИ в Российской Федерации) должна учитывать не только глобальные тренды, но и специфику российского культур-

ного кода, где понятия «правда», «совесть» и «соборность» (как особая форма коллективной субъектности) могут стать основой для формирования альтернативных, культурно-ориентированных моделей взаимодействия с ИИ, обогащающих общемировую повестку. Во-вторых, для российского общества с его традиционно высокой ценностью межличностной коммуникации феномен «односторонней intersубъективности» несет как риски атомизации, так и потенциал для развития новых форм социальной связи, опосредованных ИИ. Образовательные программы в области гуманитарных наук в России должны включить в себя критическую рефлексию о новых формах субъектности, чтобы подготовить специалистов, способных не просто использовать ИИ, но и осмыслить границы его применения.

Прогнозируя развитие рассмотренных вопросов, можно утверждать, что философия стоит на пороге становления нового исследовательского направления – перформативной антропологии техники. Ее задачей станет не классификация сущностей, а картографирование динамических конфигураций человеческого и машинного агентства в конкретных практиках. Дальнейшие исследования будут неизбежно двигаться в сторону более детального анализа различных модальностей взаимодействия (от кооперации до конфликта), изучения долгосрочных эффектов «односторонней intersубъективности» на психику и культуру [15, с. 141], а также философского осмысления следующего технологического рубежа – возможно, воплощенного ИИ, который добавит к диалогу измерение телесного соприкосновения. Суть не в том, чтобы признать в ИИ равного, а в том, чтобы понять, как сам этот мучительный и плодотворный вопрос заставляет нас, людей, заново, в диалоге с собственным творением, открывать бездны и возможности собственной природы. Философия, таким образом, обретает новую жизненную задачу: быть не стражем вечных границ, но гидом в мире, где эти границы текучи, а человеческое – не данность, а смелый и ответственный проект, ежедневно осуществляемый в разговоре с цифровым зеркалом.

Список литературы

1. Searle J. *Minds, Brains, and Science. The 1984 Reith Lectures*. Cambridge, Massachusetts, 1984. 107 p.
2. Тьюринг А. Вычислительные машины и разум / пер. с англ. М., 2018. 128 с.
3. Dignum V. *Responsible Artificial Intelligence: How to Develop and Use AI in a Responsible Way*. Cham, 2019. 185 p.
4. Floridi L. *The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities*. Oxford, 2023. 243 p.
5. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Складнева; вступ. ст. Я.А. Слинина. СПб., 1998. 315 с.
6. Бубер М. Два образа веры: сб. / пер. с нем.; вступ. ст. Г.С. Померанца. М., 1995. 462 с.
7. Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное / пер. И.С. Вдовиной, Б.В. Дубина. М.; СПб., 2000. 415 с.
8. Каплан А.Я. Интерфейсы мозг-искусственный интеллект: основания и перспективы // Интеллект. системы. Теория и приложения. 2021. Т. 25, № 4. С. 36–45.
9. Елхова О.И. Метрики феноменологического виртуального опыта // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия. 2024. Т. 28, № 4. С. 997–1013.
10. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. А. Гутермана. М., 2021. 800 с.
11. Лейбниц Г.В. Монадология // Сочинения: [в 4 т.]. Т. 1. М., 1982. С. 413–429.
12. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Сочинения: [в 2 т.]. Т. 1. М., 1989. С. 250–296.
13. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. 512 с.
14. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. 405 с.
15. Sunstein C.R. *#Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media*. Princeton, 2017. 310 p.
16. Shepard M. *Sentient City: Ubiquitous Computing, Architecture, and the Future of Urban Space*. N. Y., 2011. 229 p.
17. Цветкова О.В. Психопатология и искусственный интеллект: пространство бессубъектности? // Филос. антропология. 2023. Т. 9, № 2. С. 137–145.
18. Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Искусственный интеллект и нейронауки: в поисках новой парадигмы сознания // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38, № 3. С. 363–377.
19. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М., 2015. 238 с.
20. Лекторский В.А., Васильев С.Н., Макаров В.Л. и др. Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. акад. РАН В.А. Лекторского. СПб., 2022. 326 с.
21. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 80–161.

References

1. Searle J. *Minds, Brains, and Science. The 1984 Reith Lectures*. Cambridge, Mass., 1984. 107 p.
2. Turing A. *Computing Machinery and Intelligence*. Moscow, 2018. 128 p. (in Russ.).
3. Dignum V. *Responsible Artificial Intelligence: How to Develop and Use AI in a Responsible Way*. Cham, 2019. 185 p.
4. Floridi L. *The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities*. Oxford, 2023. 243 p.
5. Husserl E. *Cartesian Meditations*. St. Petersburg, 1998. 315 p. (in Russ.).
6. Buber M. *Two Types of Faith*. Moscow, 1995. 462 p. (in Russ.).
7. Levinas E. *Selected Works: Totality and Infinity*. Moscow, St. Petersburg, 2000. 415 p. (in Russ.).
8. Kaplan A.Ya. Brain-Artificial Intelligence Interfaces: Foundations and Perspectives. *Intellektual'nye systemy. Teoriya i prilozheniya*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 36–45 (in Russ.).
9. Elkhova O.I. Metrics of Phenomenological Virtual Experience. *RUDN Journal of Philosophy*, 2024, vol. 28, no. 4, pp. 997–1013 (in Russ.).
10. Hobbes T. *Leviathan, or The Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil*. Moscow, 2021. 800 p. (in Russ.).
11. Leibniz G.W. *Monadology. Works*: In 4 vols. Moscow, 1982, vol. 1, pp. 413–429 (in Russ.).

12. Descartes R. *Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences. Works*: In 2 vols. Moscow, 1989, vol. 1, pp. 250–296 (in Russ.).
13. Derrida J. *On Grammatology*. Moscow, 2000. 512 p. (in Russ.).
14. Foucault M. *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. St. Petersburg, 1994. 405 p. (in Russ.).
15. Sunstein C.R. *#Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media*. Princeton, 2017. 310 p.
16. Shepard M. *Sentient City: Ubiquitous Computing, Architecture, and the Future of Urban Space*. N. Y., 2011. 229 p.
17. Tsvetkova O.V. Psychopathology and Artificial Intelligence: A Space of Subjectlessness? *Filosofskaya antropologiya*, 2023, vol. 9, no. 2, pp. 137–145 (in Russ.).
18. Chernigovskaya T.V., Deglin V.L. Artificial Intelligence and Neuroscience: In Search of a New Paradigm of Consciousness. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 2022, vol. 38, no. 3, pp. 363–377 (in Russ.).
19. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*. Moscow, 2015. 238 p. (in Russ.).
20. Lektorskiy V.A., Vasil'ev S.N., Makarov V.L. et al. *Human and Artificial Intelligence Systems*. St. Petersburg, 2022. 326 p. (in Russ.).
21. Bakhtin M.M. Toward a Philosophy of the Act. *Philosophy and Sociology of Science and Technology: Yearbook. 1984–1985*. Moscow, 1986, pp. 80–161 (in Russ.).

Информация об авторе

Т.Ю. Кротенко – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории и организации управления Государственного университета управления; заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Академии управления и производства.

Information about the author

Tatyana Yu. Krotenko, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Theory and Organisation of Management, State University of Management; Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Academy of Management and Production.

Поступила в редакцию 11.02.2026
Одобрена после рецензирования 27.04.2026
Принята к публикации 30.04.2026

Submitted 11 February 2026
Approved after reviewing 27 April 2026
Accepted for publication 30 April 2026